

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ОТДАТЬ ДУШУ

Алексей Гравицкий

Отдать душу

«Комикс Пабlishер»

2004

Гравицкий А. А.

Отдать душу / А. А. Гравицкий — «Комикс Пабlishер», 2004

Рассказы Алексея Гравицкого. Приключенческая фэнтези... Увлекательная научная фантастика... Но прежде всего — юмор! Веселый озорной юмор, перекраивающий и оживляющий классические сюжеты. Фейерверк идей! Взрывоопасный коктейль из иронии и приключений! Прочитайте — не пожалеете!

Содержание

Юмор	6
Жаба голубых кровей	6
Не плюй в колодец	11
Рассекреченные материалы	19
Игра	23
Пирог с яблоками	25
Кошмар на улице Долговязов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Гравицкий

Отдать душу

Алексей Гравицкий

* * *

«Юмор – спасательный круг на волнах жизни».
М. Твен

Юмор

Жаба голубых кровей

На мотив русской народной сказки

Стойте, куда вы так спешите? Ну остановитесь же! Да, я вам. Что? Нет, просто у меня тоже иногда возникает желание по-простому, по-человечески пообщаться, а то сидишь здесь... Ну погодите! Не уходите! Я вот спросить хотел... Хотя как вас спросить, вы ж не поймете, тут надо с самого начала начинать. Ладно, сядьте передохните, а я расскажу одну историю. Слушайте...

* * *

Я перся через лес уже не первый день. Сыро, грязно, холодно по ночам и жарко днем. Ужасно! Просто форменный кошмар, особенно после царского терема. Да, забыл сказать, что я сын царя, царевич значит. Ну, если вам интересно, то начну, как водится, с начала.

Я родился в этом тереме, там прошло все мое детство, там я лишился... Ну чего лишился, того лишился, с каждым бывает. Жизнь моя была похожа на сказку. Пьянки-гулянки с утра и до ночи с друзьями, охота, девки и все такое. И хоть я и младший сын, и у меня есть два брата, но папашиного богатства мне тоже перепало достаточно. Так что грех жаловаться! И вообще, когда ваш папашка царь – это здорово. Могу каждому пожелать, хотя здорово было до определенного времени.

Полтора года назад умерла моя мать. Папашка, хоть и поимел половину прислуги, не говоря уже о придворных дамочках, но мать все-таки любил. Он как-то постарел сразу, из молодежового атлета превратился в дряхлого старика. А теперь совсем плохой стал, крыша у него не то едет, не то течет. Все чегой-то про смерть свою талдычит. Не, вы не подумайте ничего такого, я не против. Один речет, как на бабу забрался, другой, как в сиську надрался... Ой, это я уже почти стихами заговорил! Но я не об этом, я вот о чем. Ведь каждый говорит, о чем думает, а думает, о чем хочет. Ну и пусть папашка мой распрекрасный рассказывает всем и каждому о том, что вот он скоро помрет, вот он будет так в гробу лежать, а вот какая у него рожа при этом будет. Потом о том, как его закопают, как черви будут жрать его разлагающийся труп, как... Вы только не подумайте, что я циник. Нет. Просто, я каждый день выслушивал подобные рассказы. Но даже и это не страшно, хочет – пусть бурчит про то, что нравится, но нельзя же на личность давить.

А было вот как. Будят меня ни свет ни заря и к папашке зовут. Ну оделся, пошел. Все же он царь и папаша мой. Братишки мои уже с папашей о чем-то шушукаются. Они всегда от меня все скрывали. Говорили, что я дурачок, трепло, пень безмозглый, ну и еще много всего лестного по поводу моих умственных способностей и способностей, которыми заведует та фигня, что пониже пояса. Ну да бог им судья, я не вмешиваюсь.

Так вот, вхожу я, стало быть, к папашке. Он трепаться с братьями перестал и на меня смотрит, вот-вот дыру протрет.

– Звали? – говорю.

– Звал, – коротко и ясно.

Ну мы, я и братья, встали пред ним, стоим. Он смотрел, смотрел, вздыхал даже. Видно хочет сказать чего-то, да не знает с какого боку подгрести. Смотрю я на него: старый, разва-

ливающийся маразматик, а тут у него еще и душевный разлад ко всему. Жалко мне папашку стало.

– Не молчи, – говорю ему. – Государь, скажи, что от нас хочешь – все сделаем.

Ну вот так всегда, сначала скажу, потом думаю. Братья на меня вылупились, как на дурака последнего, в глазах злорадия, чуть не шипят. Зато папашка обрадовался, ожил, даже помолодел... на пару месяцев. Он так радовался, что в первый момент и выговорить-то ничего не мог.

– Дети мои, – начал он наконец. – Я стар и скоро умру. Но я хочу, чтобы вы жили в мире и согласии, чтоб были счастливы. А потому я решил, что вы должны жениться.

– На ком?

– Зачем?

Это выразили свои эмоции мои братья, я сказать ничего не смог, стоял как громом пораженный. Еще бы, я ведь еще не всех баб в царском тереме перелопатил, а тут жениться. Зачем? На ком? И вообще, я только начал входить во вкус, получать удовольствие от своей вольной беспутной жизни, и вот на тебе. Нет, не хочу жениться, не хочу спать с одной девкой, когда рядом много других. Не хочу чувствовать ответственность за кого-то, пусть лучше отвечают за меня, а я буду дурака валять. Молодость бывает один раз в жизни, и я не хочу ее терять только потому, что мой шизанутый папаша решил меня женить. Все. Точка. Финита! Баста!!!

– Вы должны найти себе хороших девушек, – продолжал папаша, который, естественно, не слышал протеста, прозвучавшего в моей голове. – Но найти вы их должны не сами – человеку свойственно ошибаться, – а с Божьей помощью.

– Это как? – поинтересовался мой старший братец. Голос его прозвучал с таким сарказмом, что, казалось, яд сейчас закапает на пол и прожжет там хорошенькую дыру.

– Для начала вы должны перестать шалопайничать, – папаша не заметил яда. – Потом вы возьмете и изберете себе жен способом, в основе которого будет лежать везение. Удача. Божественное расположение. Ну например, вы едете в поле, стреляете из лука, смотрите, куда упадет стрела. Первая женщина, что поднимет вашу стрелу, станет вашей женой. Боги всегда жаловали нашу династию, так что опасаться за ценность выбора вам не стоит. Но сначала... – Папаша строго посмотрел на меня и братьев. – Сначала вы должны перестать гулять направо и налево. – Папаша смерил меня испепеляющим взглядом. – Прежде всего, это относится к тебе, Ванюша.

– А если мы откажемся? – попытался найти лазейку средний брат.

– Я отрекусь от трона в пользу своего первого советника и лишу вас наследства.

Это был удар ниже пояса, все это понимали: и отец, и братья, и даже я, хотя меня всегда считали дурнее других.

– Я даю вам неделю времени. На следующей неделе будет первая свадьба. – Папашка дал понять, что аудиенция окончена, и мы побрели к выходу.

* * *

Следующая неделя прошла как нескончаемо долгий ночной кошмар. Началась она с того, что сразу после беседы с папашей мои любящие братья отметили меня без какого-либо повода.

– За что? – просипел я, когда они закончили свою грязную работу.

– Ах, ты не понял? – Удары посыпались новой, еще более яростной, волной, а когда они закончили меня колотить, был подведен итог: – Чтобы знал, когда рот открывать, а когда не стоит. Дурак!

Последнее замечание было особенно обидно, потому как дураком я себя не считал, хотя и раньше слышал подобные замечания от окружающих. Душа ныла и протестовала, тело болело от незаслуженных побоев, но это все были только цветочки.

Ягодки пошли, когда пришлось отказаться от баб и пьянок и топать на стрельбище. Из лука я не стрелял уже давно, да никогда у меня это особо и не получалось. Тренировка тянулась мучительно долго. Наутро я с трудом встал с постели. Тело болело не только от побоев, но и от борьбы с луком.

Тренировочки продолжались всю неделю, к концу которой я чувствовал себя истерзанным куском мяса. Папашка вызвал нас к себе:

– Ну, вы решили? Вы готовы?

Конечно решили, кто ж откажется от престола и такого состояния, как у моего папашки. Так вот, собрались, поехали в поле. Прискакали, спешились. Папашка чуть не развалился по дороге, ну да хрен с ним. Мой старший братец слезает с коня, натягивает тетиву и... Я долго смеялся. Стрела сорвалась, пролетела несколько метров и грохнулась на землю. Баб поблизо-

сти не наблюдалось. Дальше творилось нечто невообразимое. Я ржу, братец – матерится, а сам уже красный как рак. Папашка подумал и изрек:

– Подождем.

Ждать пришлось до вечера. Уже смеркалось, когда неподалеку появилась женская фигурка. Папашка перестал храпеть, братья оживились, а мне стало весело.

– Эй, девушка! – милым, насколько это было возможно, голосом пропел мой старший братец. – Подойди, милая.

Девушка сделала несколько боязливых шагов.

– Да не бойся, дура, – не выдержал братец. – Царский сын тебе ничего дурного не сделает!

Девушка ахнула и упала на колени. Я смеялся уже в голос, а брат, красный от злости, заорал:

– Перестань ржать, дурак! А ты, корова, иди сюда! Видишь, стрела лежит? Да нет, правее. Еще правее... Дура, теперь левее. Вот! Подними ее и неси сюда. Живо!

* * *

Свадьба тянулась всю следующую неделю. Папашка закатил такую пьянку, какой даже я себе представить не мог. Видимо, мой старикан еще не совсем потерял для общества. Пирушка перемежалась у меня прогулками на стрельбище, и чувствовал я себя после всего этого портянкой, обвисшей и несвежей.

Ровно через неделю мы снова оказались в поле. Второму моему братишке повезло меньше. Стрелу он, правда, запустил несколько дальше, но она всобачилась точнехонько в задницу бабе, что выползла на поляну из леса, собирая грибы. Баба была толстой и некрасивой, а посему мой братишка не очень обрадовался. Всю следующую неделю, пока длилась его свадьба, он пил. Он выпил за эту неделю, наверное, больше, чем за всю предыдущую жизнь. Я ржал от души, за что и был назван, в очередной раз, дураком. Впрочем, это меня не особо тронуло.

Неделя пролетела как минута, настал мой черед. Мы приехали в поле, спешили. Я вскинул лук, натянул тетиву и... И вот я здесь. Стрела, зараза, улетела черт-те куда и лежит сейчас в этом лесу, точнее, в болоте, потому что лес плавно перешел в гнилую топь. Так я вернулся к тому, с чего начал. Грязно, противно, вонюче. Ночами холодно, днем жарко. А стрелы все не видно, вообще сомневаюсь, что найду в этом дерьме хоть одно существо женского пола. А возвращаться домой с пустыми руками... Нет уж, спасибо. Я и так наслушался, когда моя стрела улетела в неизвестном направлении, мои братья и реготали, и дурнем меня называли, и... Не дай бог никому услышать те слова, которыми они меня называли, такое не представить и во сне не приснится.

Примерно с такими мыслями я и плутал, как вдруг увидел свою стрелу. Вот она, погань, торчит из болотной кочки. Черт, и никаких баб рядом! Я собрался взять свою стрелу, когда увидел здоровую жабу. Жаба вцепилась своей мерзкой пастью в стрелу и пыталась вытянуть ее из земли.

– А ну-ка брысь! – заорал я. – Отвали от моей стрелы.

– А вот и фиг тебе, – пробурчала жаба человеческим голосом, не разжимая челюстей. – Я ее нашла, так что давай, женись на мне.

Верите, меня чуть наизнанку не вывернуло от такого заявления, а она смотрит на меня и говорит:

– Ты, – говорит, – поцелуй меня, Ванюша, и будем счастливы.

– Нет уж, не будет у меня счастья с жабой. В гробу я такое счастье видал. И папашу своего гребаного в белых тапках видел. Вот уж кому спасибо, удружил.

– Ты папу-то не трогай, он у тебя славный. А на мне женись.

– А это видала? – Я продемонстрировал жабе жирный кукиш.

– Не горячись, Ваня, – голос жабы стал сладким, аж приторным. – Ты, конечно, можешь и не жениться на мне, но вот послушай, что я тебе скажу. Я сама царица, просто на мне заклятие лежит. Счастливой я смогу стать только с одним человеком – с тобой. Поцелуй меня и обретешь счастье. Поверь, если поцелуешь, я стану самой красивой и желанной. Ну а не поцелуешь – проворонишь свое счастье, обречешь меня на муки, а имя свое покроешь позором.

– погоди, дай подумать, – сказал я. А ведь и правда. Чем черт не шутит? Ну, если обманула, то проблююсь и домой пойду, а если нет, то счастье у меня в кармане, причем за просто так. – Значит, если я тебя не поцелую, то дурак, а если поцелую, то буду счастливым, богатым, каким еще?

– Сказки про тебя слагать будут.

– Ого! Это что-то новенькое.

– Правда-правда, – заторопилась лягушка. – Я не вру. Ты будешь и царем, и счастливчиком, и я для тебя стану самой красивой.

– Ну ладно, давай. Куда целовать-то? Хоть не в задницу? Ну, давай щеку...

Ну, поцеловал. Ощущения не было никакого. Потом все вдруг резко завертелось, закружилось, деревья стали огромными, болото необъятным, а лягушка прекрасной.

* * *

... Вот так все и было. Теперь вот живу в этом болоте уже год. Я – царь, жена моя – царица, хоть и лягушка, зато самая прекрасная. Все лягушки болота мои. Здесь тепло, влажно и уютно. Болото мой дом родной. Вообще, легко и хорошо быть лягухой, какой я теперь и являюсь. Все, что обещала мне моя жена, сбылось. Вот только папашку жалко да братьев, правда, совсем немного. И еще не знаю, обманули или нет, вот у вас спросить хочу... Скажите, только честно, сказки про меня складывают?

Не плюй в колодец

Тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыг-дым. Пс-ш-ш-ш-ш. Поезд вздрогнул и замер. Ну вот и приехали. Я собрал в охапку чемодан и сумки, поблагодарил проводницу и выскочил на перрон. Солнце, зелень, легкий теплый ветерок. А воздух! Какой здесь воздух, особенно после города! Я с удовольствием втянул деревенских ароматов полной грудью, выдохнул.

– Пс-ш-ш-ш, – это уже не я, это поезд. Вагон тронулся, набрал скорость и, улыбнувшись мне на прощание милым личиком проводницы, умчался вдаль. Я закинул сумку за плечо, поднял чемодан и, обойдя кругом станцию, потопал через поле. Идти мне километров пять с гаком, так что пока могу подробно рассказать, кто я, где я, и почему я здесь оказался.

А все очень просто. Вон там за полем лесок, а за леском деревенька, «Бухловкой» (*Деревенька с таким говорящим названием существует в действительности, да вот только автор не имеет к ней никакого отношения и даже не помнит, где таковая находится.*) называется. В Бухловке живет мой брат, старший брат, он там родился. А через два года родители оставили брата на попечение бабушки и подались в город, я родился еще через три года, причем в Москве (так что я коренной москвич). Так мы и росли: я в столице, а брат в Бухловке, и хотя нас разделяли какие-то значительные по меркам ребенка километры, виделись мы довольно часто. Потом, когда мы выросли, я стал навещать брата каждое лето, но последние годы и летом у него не бывал. Так сложилось – закрутился, завертелся... Жизнь, одно слово. Сейчас я с радостью шагал через поле, представлял, как увижу его, как он мне обрадуется. И обязательно удивится: я ведь не предупредил, что приеду. Так что сюрпризец братишку ожидает.

Я прибавил ходу и почти вприпрыжку поскакал по тропинке через лесок. Странно, сколько лет прошло, а ведь помню эту тропинку во всех подробностях. Вон там я в шесть лет с велосипеда грохнулся, коленку расшиб. Больно было. А вон за той елкой муравейник, я как-то на него пописал, а мураши меня покусали. И правильно, так и надо дураку сопливому, хамить не надо было. А вот тут... Тут кончается лесок и открывается прелестнейший вид. Вот моя деревня, вот мой дом родной. Во-он тот, шестой от угла, зелененький с белыми ставенками и наличниками, крыша железом крытая. Я ощутил какую-то совершенно детскую радость и, стараясь не потерять этого чувства, помчался к домам.

Вот я уже и у покосившегося заборчика. Тихо скрипнула калитка, я вошел во двор и увидел брата.

Он сидел на крыльчке, привалившись к перилам спиной ко мне. Я тихо подошел к брату, явился пред его светлы очи, да только напрасно – брат спал. Я потряс его за плечо, тихонько позвал по имени. Он вздрогнул, разлепил глаза, тупо посмотрел на меня, отмахнулся, как от наваждения, и снова закрыл глаза.

– Мишка, мать твою! – не выдержал я. – Я голодный приехал, неужели ты дашь помереть с голоду родному брату?

Моя реплика подействовала лучше, чем ведро ледяной воды из колодца, которой я признаться уже собирался его окатить. Мишка подскочил, какую-то долю секунды еще пялился на меня, отгоняя сон, и наконец напрыгнул на меня, обхватил стальными ручищами, забарабанил лопатами ладоней по спине:

– Колюня! Колька, черт! Ты как здесь?

– В гости к тебе приехал, – ответил я, когда мы разомкнули крепкие братские объятия. – А ты спишь, и куда это Галка смотрит?

– Да куда она не смотрит, – небрежно махнул рукой Мишка. – Она с детьми на юга укатила. А я один уже неделю сижу и еще недели три сидеть буду.

– Ты что это, серьезно?

- А то! Теперь-то мы с тобой гульнем по полной программе. Ты надолго?
- Дык... Недели на три, – улыбнулся я, и мы расхохотались.

* * *

- Ну, за встречу! – Мишка поднял грубый и довольно вместительный стопарик, влил в себя желтоватый самогон, крикнул и замер, прислушиваясь к ощущениям.
- Ты этот тост уже четвертый раз поднимаешь, – напомнил я, выждав, когда самогон прокатится по его пищеводу и осядет в желудке.
- Неправда, – возмутился брат. – Еще за баб пили.
- Угу, и за мир во всем мире. Только тоста мы с тобой всего три насчитали, а бутылка почти пустая.
- У меня еще есть, – умиротворенно сообщил брат и расплылся в такой улыбке, что смотреть на него без умиления было невозможно.
- Да я не об этом. Неинтеллигентно пьем, третий нужен. Может, кого свистнуть?
- Так эта... Ваську. Ну да, его баба с моей на курорт уехала, а мужик чахнет в одиночестве. Пошли?
- Пошли.
- Сказано – сделано. Через десять минут мы усаживались за стол втроем. Васька с трудом унял голодный блеск в глазах, разлил остатки самогона, поднял стопарь.
- Давай, Василий, – подбодрил я. – Выдай нам свежий тост.
- Ну-у-у... – Вася поерзал на стуле, собрался с духом и выдал что-то новенькое: – За встречу!
- Мишка, который, не дожидаясь окончания речи, запрокинул голову и методично вливал в себя мутно-желтое зелье, поперхнулся. Я так и не смог сдержать улыбки.
- Я что-то не так сказал? – покосился на нас Вася.

* * *

- Солнце слепило даже сквозь сомкнутые веки, я открыл глаза, щурясь поднялся. Внизу на кухоньке Мишка стряпал что-то на завтрак.
- Привет, – бросил я от двери.
 - Здорово, братишка, – заулыбался Мишка. Он оторвался от плитки и скворчащих сковородок, потянулся к шкафчику и зазвенел стопками. – Давай по чуть-чуть. С утра не выпил – день пропал.
 - Погоди, – вспомнил я. – А Васька где?
 - Васька? Да спит небось. Как он тебе?
 - Хороший мужик. Так пойдем его разбудим, а уж потом вместе...
 - Прав, как всегда, – хлопнул меня по плечу Мишка. – Пойдем.
- Мы обыскали весь дом, но Васьки так и не нашли. На всякий случай мы прошлись по дому еще два раза, посмотрели на огороде, в сортире – никого. Пошли к Ваське домой, но на наши вопли откликнулась только соседская собака. Васька пропал!

* * *

Василий проснулся посреди ночи. Лежал он на лавке возле стола в соседском доме. Уж что-что, а лавку-то эту он хорошо знал. Василий потянулся, приподнял голову и оглядел стол в поисках чего-то, что могло залить пожар во рту. Как назло, на столе из жидкостей обнаружи-

лись лишь остатки самогона. Он тяжело вздохнул, поднялся с лавки и пошел на двор. Невыветрившийся самогон притупил способности его мозгов. Василий стоял на крылечке и долго соображал, выстраивал план действий. Сначала он пошел в сортир, но так и не дошел – полил близлежащие грядки, потом он вспомнил про высохший рот и пошел к колодецу. Колодец находился в дальнем углу двора. Василий взял ведро и стал потихоньку опускать в колодец, до тех пор пока не услышал тихий всплеск. Веревка натянулась, и он потянул ведро на себя. Пальцы слушались плохо, поэтому немудрено, что веревка сорвалась и под тяжестью полного ведра полетела обратно в колодец. И что самое обидное, произошло это тогда, когда ведро было уже у самого края.

Василий помянул чью-то маму и потянул необыкновенно легкую веревку наверх. На его беду веревка вскоре кончилась, причем не ведром, как того следовало ожидать, а лохматым обрывком. Василий зашептал себе под нос историю чьей-то семьи, делая упор на родственников по женской линии, и зло сплюнул в колодец. Когда запас матерей и бабок в его голове иссяк, пьяный Василий перевалился через край колодца и позвал с тоской и безнадеей в голосе:

- Ведерка-а-а-а!
- А-а-а-а-а... – отозвался колодец.
- Иди ко мне! – обрадовался Василий.
- Не-е... – донеслось из колодца.
- Тогда я сейчас сам спущусь к тебе! – пригрозил Василий.
- Бе-бе-бе... – откликнулся колодец.
- Ах, ты дразниться! Ну, я тебе...

Верно, правду говорят, что у пьяных свой ангел-хранитель. Иначе как объяснить то, что Василий свалился в колодец и остался жив, здоров и невредим?

* * *

– Куда он делся? – недоумевал Мишка. – Так хорошо сидели, и вдруг на тебе – как сквозь землю.

– Да ладно, – я попытался успокоить брата. – Ничего с ним не сделается, чай инопланетян, маньяков и нежити здесь нет. А раз так, то небось по бабам побег.

– Вот именно! – Брат взбеленился еще больше. – И что самое главное, без меня гад побег по бабам-то!

Голос брата приглушил чей-то далекий крик. Или мне показалось? Я резко остановился, прислушался. Тишина.

- Ты чего? – удивился Мишка.
- Ничего. Ты ничего не слышал?
- Нет. А что?
- Ничего.
- Мужики-и-и! – донеслось снова, причем более отчетливо.
- О, слышал, – обрадовался Мишка. – Это ж Васютка!

Голос позвал снова, мы побежали на звук и уткнулись в колодец.

– Мужики! Выньт-те мен-ня отсю-сюда, – застучал зубами Васька, когда мы заглянули в колодец и увидели его макушку, колыхающуюся над водой.

– Васек! Ты как туда забрался, а? А мы думали, ты по бабам побег, – весело загудел Мишка.

– Какие бабы! Я попить пошел, а ведро утопло, а я спьяну за ним и ухнулся. Вмиг протрезвел! – затараторил Василий. – Вы меня выньте отсюда, будьте так добры. Пожалуйста!

– Да погоди ты, – ответил я в колодец. – Сейчас веревку найдем и вытянем. Миш, у тебя веревка есть?

– Есть, только она вместе с ведром и этим придурком в колодце. А еще есть другая, на ней Галька белье сушит, только она тонкая.

– Тащи!

Но веревка действительно оказалась тонкой и осталась ненужным обрывком в руках промокшего Васьки.

– Говорил же, что этого кабана такой шнурок не выдержит, – прокомментировал ситуацию Мишка. – Что теперь?

– Да ничего, пойдем к соседям, попросим помочь.

– Ты что, сдурел? – испугался брат. – Они ж все жене растрепят. Знаешь, что она со мной сделает? Да и с тобой тоже.

– Со мной не сделает, к тому времени, как она вернется, меня здесь уже не будет.

– Значит, ты хочешь, чтобы я за двоих получил? Спасибо. Так не пойдет, придумывай что хочешь, но справиться должны своими силами.

– Мужики! Вы чо, заснули?

– Думаем мы, Васька, думаем.

– Пока вы думаете, – занял Василий. – Я здесь от холода околею. Я ведь здесь с ночи сижую.

– Миш, дай ты ему бутылку туда, пусть погрееется. И пошли веревку другую искать.

Василий сидел в колодце и трясся от холода. Хорошо еще – самогонки дали, может, полегчает. Василий приложился к горлышку, отпил. Интересно, скоро они там? Поскорее бы. Он еще раз глотнул из бутылки, завинтил пробку и посмотрел наверх. Солнце уже далеко отползло от края колодца и смотрело на него теперь сверху вниз, как издевалось. Василий вздрогнул и полез за бутылкой. Сделав пару крупных глотков, он собрался завинтить заветный сосуд, но не успел. Вода перед ним вспенилась, и он увидел приятное девичье личико с зелеными волосами. Вслед за личиком показалась шея, плечи, крупная грудь с зелеными бусинами сосков. Зеленоволоска вылезла из воды по пояс и подмигнула Ваське.

– Ты кто?

– Дай глотнуть из бутылки – скажу, – ухмыльнулась девица.

Василий протянул бутылку, и девка надолго присосалась к горлышку, глаза ее заблестели, улыбка стала шире.

– Русалка я, – протягивая бутылку, сообщила она. – Живу здесь рядом. Услышала возню вашу, дай, думаю, загляну, может, чего надо. Тебе ничего не надо? – голос ее стал масляным, тон явно недвусмысленным, да и глядела она на мужика призывно.

– Ничего мне от тебя не треба, – пробормотал Василий, с затаенной тоской оглядывая пышный бюст с зелеными сосками. – Ты мертвая, холодная и противная.

– Сам ты противный, да я краше всех девок, что в вашей деревне живут. И не мертвая я, живая, можешь проверить. А кто из нас холоднее, еще вопрос, не я же который час в ледяной воде сижую.

– Живая, говоришь? А чо у тебя патлы зеленые?

– А чего у тебя борода рыжая? – отозвалась русалка.

– Ну не знаю...

– Холодная? А ну-ка дай бутылку! – Русалка залудила такую дозу, что у Васьки глаза на лоб полезли. – Сейчас узнаем, кто из нас погорячее, – пробормотала русалка и ушла под воду. Через секунду Василий почувствовал чье-то присутствие в своих штанах.

* * *

– Нету веревки! Черт, и как его теперь вытаскивать?

Мишка злился: час, который мы провели, перерывая весь дом в поисках веревки, ничего хорошего нам не дал.

– Не волнуйся, – попытался урезонить я брата.

– Да я и не волнуюсь. Пошли хлопнем, может, мысли лучше потекут.

Я не стал спорить, в конце концов Васька там пьет в колодце, так почему нам здесь нельзя. Мы уселись на кухоньке, хлопнули по стопарю, потом еще, потом Мишка закурил, а я задумался.

– Слушай, а если еще посмотреть?

– Где? – зло сверкнул в меня глазами брат. – Весь дом кверху дном перевернули.

– А здесь? На кухне? Ведь не смотрели.

– А где тут смотреть?

– Да вон хоть в том ящике. Чего в нем?

– А я почему знаю? Тут не я, а Галка хозяйничает.

Я вытянул из-под стола ящик, поковырялся и открыл его. В ящике лежала потрясающая статуэтка. Старичок в метр высотой смотрел пристально, с хитрецей. Я поставил старичка на стол, оглядел с ног до головы тонкую работу неизвестного мастера: миниатюрную фигурку, смешливое старческое лицо, длинную жидкую бородачку. Я постучал статуэтку по лбу – вроде деревянный.

– Это из чего? – спросил я Мишку. – Из дерева?

– Сам ты из дерева! – Старичок пошевелился, разминая конечности, и сел на край стола, свесив ноги. – А я из плоти и крови, вот.

Мы с Мишкой застыли, не сводя глаз со «статуэтки», а дед потупил глазки:

– Ну, чего смотрите? Домовых не видали? – зло спросил он.

– Ты... Вы домовый? – пробормотал мой брат. – Мой собственный домовый? А почему я про тебя не знал ничего?

– А ты интересовался? – ухмыльнулся старикан. – И потом, пока во мне нужды нет, я не показываюсь принципиально.

– А сейчас что, нужда появилась? – заинтересовался я.

– А то, я слышал, беда у вас, друг в колодезь провалился, а вытащить не можете. Так?

– Так, – нахмурился Мишка.

– Ну а раз так, то айда за мной. Знаю я, где веревка лежит добрая. – Старичок спрыгнул со стола и поковылял к двери.

* * *

Когда мы втроем подошли к колодцу, оттуда доносилось пьяное пение:

Хорошо в деревне летом,
Пристает г... к штиблетам.
Выйдешь в поле, сядешь с... гм, хм...
Далеко тебя видать.

Васька похихикал, смолк, а потом опять запел, но теперь уже тонким пронзительным голосом:

Полюбила парня я,
Оказался без...
На... мне без...
Когда с... до...

– Василь, кончай свои песнопения, – оборвал я пьяного пошляка, кидая в колодец конец веревки. – Держи канат, тягать тебя будем.

– Дер-ик-ржу, – сообщил Васька своим обычным хриплым голосом.

– Тянем, – сообщил я и потянул на себя веревку.

Мишка и мелкий дедок принялись мне помогать.

– Ты как там? – спросил Мишка, когда мы вытянули полтора метра веревки.

– Хорошо-о-о-о! – донеслось из колодца, потом раздался всплеск и сердитое ворчание, из которого я расслышал только «твою мать».

– А ну-ка тяните, – приказал я.

Старик и Мишка быстро выдернули из колодца оборванную веревку.

– «Добрая веревка», – передразнил Мишка старика. – «Знаю, где лежит», тьфу! Да она ж гнилая.

– И на старухе бывает прореха, – поведал домовый. – Ты бы, Мишань, не серчал, а накатил бы граммов эдак сто. Может, и еще про какую веревку вспомню.

– Ну да, – огрызнулся брат. – Накати ему! Нешто я добро на такого пня замшелого переводить буду? Фигушки, не дождетесь от меня.

Старик запыхтел и обиженно отвернулся, Мишка открыл рот, собираясь послать его куда подальше, а я так и не решил, чью сторону принять. Назревала ссора, но тут случилось непредвиденное. На сей раз с открытыми рта оказались не только мы с братом, но и старикан. Прямо перед нами на двор садилось металлическое летающее блюдо. А может быть, и тарелка, не знаю, как теперь это обозвать. Не долетев до земли двух метров, блестящий диск застыл. В цельной структуре диска появилась трещинка, вниз спустилась лесенка эскалатора, и на утоптаный пыльный двор ступила зеленая нога. Чучело (а как иначе обозвать эту дрянь?) спустилось на землю и застрекотало так, будто говорила машина:

– Жители Земли, я, Гомункул Эхтипентропский, рад приветствовать вас. Прознав про вашу беду, наш Межгалактический Союз по устранению экстремальных ситуаций послал меня к вам на выручку. Чем я могу быть полезен братьям по разуму?

– Ты его видишь? – спросил меня брат.

– Да вроде, – выдавил я ошалело.

– И я вижу, – в голосе Мишки появилась дрожь. – Все, братишка, допились до чертей.

– Надеюсь, вы извините, что встречаю в вашу беседу, но я его тоже вижу, – прошамкал метровый старик.

– И что? – огрызнулся Мишка.

– А то, что я не пил ни капли, – начал закипать домовый.

– Ладно, мужики, – остановил я разгорающуюся склоку. – Тут разобраться надо.

Я прошел через двор, приглядываясь к зеленому существу. Оно было не выше домового, с большой головой, локаторами вместо ушей и канцелярской кнопкой вместо носа. Щуплое тело пришельца обтягивал блестящий скафандр. Я остановился в метре от трапа и церемонно поклонился. (А как иначе? Я ж никогда с пришельцами не общался, кто знает, как себя с ними вести.)

- Приветствую тебя, Гомункул Этилпропилтропский! – провозгласил я.
- Эхтипентропский, – миролюбиво поправил пришелец.
- Приветствую, – повторил я, пропуская его имя. – Ты прав, сын далекой планеты, нам нужна помощь. Мой друг Василий Разумный пал ночью вон в ту скважину, что дает нам воду. Мы не в силах вытащить его, помоги нам, внеземной друг.
- Хорошо, – заулыбался зеленый человечек. – Можно взглянуть?
- Я кивнул, и Гомункул прошел к колодцу.
- Да их там двое! – удивленно распахнул глаза инопланетянин.
- Как двое?
- То есть как?

– Сейчас посмотрим, – сообщил инопланетянин и достал из кармана маленький приборчик. Щелкнула кнопка, из приборчика выскочила тоненькая нить и исчезла в колодце. – Держитесь! – крикнул Гомункул.

– Держимся! – донеслось из колодца.

Инопланетянин нажал другую кнопку, нить потянулась обратно в прибор. Через несколько секунд над краем колодца под наши дружные аплодисменты появился Васька и... абсолютно голая баба с зелеными патлами и рыбьим хвостом. Это было уже чересчур для одного дня, а кроме того, Васька с бабой продрогли, и мы вернулись в дом, и сели за стол, и начался наконец долгожданный отпуск.

Такого бурного веселья я не помню, классно отдохнул. Приезжайте к нам в Бухловку, здорово там, лучше нигде нет.

* * *

Бу-бух, бу-бух, бу-бух, бу-бух. Господи, и почему эти поезда такие шумные? Колеса бухают, разрывая на части и без того больную голову. Хорошо еще проводница сжалась, принесла бутылку пива. Я отдохнувший возвращаюсь в Москву. Пока дребезжащий поезд раздражает мои барабанные перепонки и, покачиваясь, напоминает, что в конце вагона имеется туалет, я мог бы рассказать вам еще много историй. О том, как мы с домовым ходили на рыбалку, или о том, как поспорили Мишка с Гомункулом, кто лучше напугает Мишкину собаку. Стоит ли упоминать о том, что огромный дворовый пес с тех пор лает с заиканием? Если бы я писал эротический роман, я бы обязательно вспомнил русалку. А еще я бы рассказал, как мы провозжали Гомункула и как выменяли у него «прибор для доставания дураков из колодца» на двухлитровую бутылку самогона.

Я бы мог, но делать этого не стану. После второй недели отпуска память стала подводить меня, и теперь я не уверен, что из описанного мной происходило на самом деле, а что родилось в больной голове. Домовой был точно, насчет зеленых я уже сомневаюсь. А может, и деда не было? Ладно, какая разница, главное отдохнул по-человечески. И брата повидал. То, что от брата еду – это точно. Нет, не было и не будет другого такого места на моей любимой планете, как дом моего брата. Только оттуда я возвращаюсь таким отдохнувшим и с такой дикой головной болью.

Рассекреченные материалы

*Пародия на дубовое американское кино и его многочисленные продолжения
Автор выражает свою признательность господам америкосам. Выпуская дерьмовое
кино, вы даете материал для пародии.*

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. Компьютер утомляет, особенно когда шесть часов подряд самоотверженно режешься в порнографическую игрушку на благо Соединенных Штатов. Когда Скалдер подумал о благе США, ему страстно захотелось встать и спеть гимн великой родины.

И он даже поднялся, похрустывая костями – чертово отложение солей! – но спеть не успел. Дверь распахнулась и в комнату влетела его напарница, неутомимая агент Малли.

– Привет! – обрадовался Скалдер.

– Тут не до приветствий, Фокс, – затараторила Малли. – Ты только глянь, что происходит! За три дня пропало семь человек, и это в пяти милях от города! Ты представляешь?

– Маньяк? – предположил Скалдер. Работать ему не хотелось, а маньяками займется и обычная полиция.

– Нет, – заспешила Малли. – Нам удалось найти свидетельство того, что...

Она продолжала тараторить, а Скалдер, при мысли о маньяке, представил себя героем игрушки, в которую только что резался. Малли же представлялась ему прикованной наручниками к спинке кровати и...

Скалдер плотоядно улыбнулся, потянулся с хрустом.

– ...Это может быть внеземное существо, – закончила Малли.

– «Чужих» насмотрелась? – подколот Скалдер и, посмотрев на обидевшуюся Малли, добавил: – Будем работать.

– Поезжай на место и во всем разберись, – распорядилась Малли.

– А ты?

– А я полазаю по компьютеру, может, найду что-то по этому поводу.

* * *

В тот день Эплзу показалось, что у него тридцать три зуба. Или не показалось? Он долго стоял перед зеркалом, водил пальцем по зубам и каждый раз сбивался со счета. Когда на следующее утро он проснулся с тридцатью шестью зубами, всяческие сомнения пропали. Ура! В голове американца зашуршали мысли: теперь он попадет в книгу рекордов Гиннеса, станет известным, получит много денег. А может, его даже пригласят в Голливуд? Эплз зажмурился и представил себя в бассейне. В руке он зажимал бокал с коктейлем, а рядом резвились две обнаженные, грудастые фотомодели.

Звездная болезнь прошла на другое утро, когда он обнаружил, что зубы растут уже в два ряда, а вместо редких волос на груди появилась такая же редкая чешуя. И еще ему захотелось мяса. Человеческого мяса!

В душе зародилась паника. А когда, спустя неделю, он пошел в туалет и обнаружил, что в том месте, где было это самое... орудие детопроизводства, ноги стали срастаться, превращаясь в хвост, он обезумел и, выбежав из дома, понесся в ночь, не разбирая дороги.

* * *

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер ехал на своем ярко-желтом БМВ по загородной дороге. Фонари тускло освещали ночное шоссе. Из тьмы выскочил белый квадрат рекламного щита. Скалдер вдавил тормоз, БМВ с визгом остановилась.

Скалдер вылез из машины и, осторожно оглядываясь, подошел к плакату. «Хочешь найти истину? Поезжай налево». Фокс тяжело вздохнул, вспоминая все свои походы налево, и полез в машину. БМВ тронулась с места и, набирая скорость, свернула на неприметную дорожку, что уходила в лес. Влево от шоссе.

* * *

Когда сознание очистилось и он смог хоть как-то мыслить, Эплз почувствовал, что он очень голоден. Больше того, желудок возмущенно урчал, а кишки просто требовали человеческого мяса. Отталкиваясь уродливым хвостом от земли, Эплз побрел сквозь лес и вскоре наткнулся на человека, что стоял к нему спиной и справлял нужду под куст.

«Еда!» – пронеслось в голове, и Эплз, сам того не желая, ринулся вперед. Не было крика, не было стога, только хруст и сытое чавканье.

Когда все было кончено, Эплз подобрал обрывки одежды и выудил из кармана документы. «Директор представительства фирмы „Гербалайф“ в пригороде города такого-то».

– Хм, – произнес вслух Эплз. – Вкусный был директор. Где это представительство?

* * *

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер оторвался от плаката: «Хочешь найти истину? Поезжай направо». Ехать направо хотелось еще меньше, чем налево, но есть у агентов ФБР такое понятие, как «надо». Скалдер вздохнул и вернулся к машине. «Истина где-то рядом», – не отпускала агента трезвая мысль.

Истина открылась через пару миль. Он предстал агенту в виде небольшого коттеджа и очередного плаката: «Хочешь похудеть? Спроси у нас как. Гербалайф – прописная истина».

Агент остановил машину и пошел к коттеджу.

– Агент ФБР, а агент ФБР, я тебя съем! – прозвучало из темноты.

Фокс вздрогнул. Сзади раздался смешок, и что-то больно вцепилось в плечо. Скалдера развернуло, и он увидел... Ой, лучше б он этого не видел. Мерзкое, слюнявое чудовище раскачивалось, балансируя на уродливом рыбьем хвосте. Вокруг пасти размазалась и запеклась кровь. Явно не этой твари, а ее ужина. Скалдер почувствовал, что в штанах стало тепло и сыро. К чему бы это?

– Да не трясись ты так, – усмехнулось чудовище. – Не съем я тебя. Я зарок дал.

– Ты кто? – спросил агент, потихоньку начиная приходить в себя.

– Я такой же человек, как и ты... То есть был таким же. Моя фамилия Эплз. Вот, возьми. Мерзкая лапа протянула Скалдеру маленькую коробочку.

– Что это?

– Аудиокассета, – пояснил Эплз. – Там я записал все, что со мной случилось. И еще, я раскаиваюсь, что съел семь сотрудников славной фирмы «Гербалайф», передайте мои искренние соболезнования родным и близким. А теперь уходите.

– Почему? – не понял Фоке.

– Я буду умирать, – с пафосом провозгласил выродок.

– Как? Почему? – растерялся Скалдер.

– С голоду, – терпеливо объяснил уродец. – Я не могу есть ничего, кроме человеческого мяса, а его я есть тоже не могу.

– Совесть замучила? – попытался догадаться агент.

– Какая совесть! – отмахнулся Эплз. – У меня организм человечину не приемлет, как оказалось. Вон, поди в кусты, там все семеро, что сожрал, и валяются.

– Как?

– А вот так, – усмехнулся уродец. – Я их сначала в себя, а потом из себя. Не перевариваются они, а ничего другого я есть не могу. Все остальное для меня смертельный яд. Все, иди. Дай мне умереть спокойно.

Скалдер кивнул и попятился. Когда мерзкий силуэт скрылся за деревьями, он развернулся и побежал. Дикий рев догнал его на полпути к дороге. Скалдер припустил сильнее и, только выбравшись на шоссе, понял, что машина осталась в лесу.

– Fuck you! – выругался агент. В голове застряла мысль, что когда эту историю будут переводить на русский, его реплика прозвучит как: «Что за день такой сегодня?!» – ну или что-то в этом духе.

С такими мыслями агент прогуливался до самого утра. А когда черноту ночи сменила серость рассвета, он рискнул вернуться за машиной.

Труп Эплза валялся рядом с БМВ, вокруг него роились мухи. Фокс сдержал рвотный позыв и хлопнул дверцей. Машина с рокотом завелась и понеслась обратно к городу.

* * *

– Я выяснила, почему произошла трансмутация. – Малли ворвалась в комнату, оторвав Скалдера от его порноигрушки.

– Ты о чем? – недовольно буркнул агент, поспешно выключая игрушку.

– Все о том же, Фокс. Я проанализировала запись Эплза. Вот, смотри, тут он говорит о том, что накануне начала метаморфозы он перебрал и наутро пил воду из сливного бачка.

– Почему из сливного бачка?

– Потому, что воду в его доме в тот день отключили: авария. А потом, когда вода в бачке закончилась, он пил жирное молоко. Целых полтора процента жирности! Представляешь?

– И что?

– Как что? Я предполагаю, что алкоголь в смеси с веществами, содержащимися в отстоявшейся сырой воде, и жирным молоком послужили поводом для перестройки организма.

– Не думаю, – резко бросил Скалдер. – Раньше Эплз говорил о том, что видел необычное явление: чистый свет, имеющий форму диска. И напился он только потому, что ему никто не поверил, когда он рассказывал об этом наблюдении. Я думаю, что трансформация произошла под воздействием излучения, примененного инопланетным объектом.

Он поднял глаза на Малли, та насупилась.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Будем работать!

– Тогда ты отработывай своих инопланетян, а я пойду самоотверженно пить воду из сливного бачка и жирное молоко.

Скалдер вздохнул и поднялся из-за стола. Работать не хотелось, куда как приятнее резаться в порноигрушку.

* * *

Прошло полгода. Агенты Скалдер и Малли вышли на след инопланетян и изловили их. Однако на этом дело не кончилось. Оказалось, что инопланетяне действовали не по своей

воле, ими правила мощная длань жидомасонства. Поймав всех жидов и всех масонов, Скалдер вышел на мыслящий вирус, а Малли – на разумную биомассу. Действия как плазмы, так и вируса контролировало что-то, посылающее сигнал со дна океана. Сейчас агенты заняты разработкой версии об искусственном интеллекте, что подает сигнал с места, где, по предположениям ученых, затонула Атлантида.

Рассекреченный отдел ФБР рассекретили окончательно. Теперь его работу воспевают не только в книгах и фильмах. О бесстрашных агентах пишут песни и снимают рекламные ролики, которые ФБР заказывает для поднятия собственного рейтинга.

Агент Скалдер прошел порнографическую игрушку.

Игра

Мы появились на свет ради этой игры. Нас вырастили и воспитали для того, чтобы мы один раз приняли в ней участие. Для кого или для чего проводится игра? Никто из нас не знал ответа на этот вопрос. Зато мы знали правила. С самого детства нам вдалбливали их в головы. И каждый из нас знал, что должен победить, так как победитель получает все, а проигравшие – ничего, кроме скорой смерти. И еще мы знали, что никто из нас не мог отказаться от участия.

* * *

К этому дню меня готовили всю жизнь. Не только меня, нас всех. И хотя никто не знал заранее, когда он настанет, все знали, как это будет. А все оказалось очень просто, и даже трепета в душе не было.

В зале, где мы собрались, было душно и шумно. Здесь уже были многие, я кивал, приветствовал, протискивался сквозь толпу. Потом остановился у стены и принялся ждать, говорить сейчас мне ни с кем не хотелось. Ведь каждый знал, что если он выиграет, то остальные... Остальных не будет. Хотя находились хитрецы, которые сговаривались, объединялись и надеялись вырвать победу одну на двоих, а то и на троих. И каждый надеялся на победу.

Я тоже надеялся, потому смотрел на остальных, как на покойников. Покойники заполнили зал, покойники входили, а точнее уже втекали рекой, покойники разговаривали и шутили, покойники молча стояли и хмуро озирались по сторонам. Ну, пусть они еще не умерли, но если я выиграю, их смерть не за горами. А раз так, то о чем я могу с ними говорить? И как вообще я могу с ними говорить? Ведь их не будет, а я получу все.

Зал заполнился и переполнился. Здесь были все: все, кого я знал близко, и все, кого я плохо знал или не знал вовсе. Здесь были совсем молодые и успевшие пожить, мудрые и крепкие, красавцы и уроды. Здесь были все. В зале стало невыносимо душно, воздух наполнился запахом потных тел. А потом дали старт, и игра началась.

Я даже сообразить ничего не успел, как толпа ринулась в непомерно узкий проход. Кто-то пронзительно заорал в экстазе, кто-то тихонько всхлипнул, раздавленный в лепешку. Меня подхватило и понесло вперед, я даже двигаться не мог. Внезапно меня обуял страх. Я испугался быть раздавленным. Я старался не дышать. Я потерял все ощущения, кроме паники, которая уже витала над толпой.

Именно эта паника, этот страх заставили меня бежать, нестись вперед. Вперед! Я не заметил, как это произошло, но совершенно неожиданно оказался впереди. Мелькали стены коридора, прыгали в бешеном темпе. Коридор поворачивал неожиданно резко, угрожая ударить очередной стеной. Я продолжал бежать, я радовался, что вырвался вперед. И я продолжал бояться. Правда, теперешний страх был вызван не боязнью быть раздавленным, а боязнью потерять свое первое место в этой бешеной гонке.

Совсем рядом, сзади, раздалось надсадное дыхание. Я не рискнул оглянуться, только чуть покосился в ту сторону. За мной неслись Минька-косорылый. Кличку он получил за неказистый вид, а имя... Я поднажал, теряя мысль, притормозил на очередном повороте и помчался дальше. Сзади донесся шлепок и сдавленный хрип. Минька не вписался в поворот, и его размазало по стене.

Почему-то мне вспомнилось, что косорылым назвал его именно я. И даже не потому, что он был особенно уродлив, а потому, что в детстве он навешал мне по шее. А еще я вспомнил его имя: его звали Михаил.

Звуки погони снова стали настигать меня, и я прибавил ходу. Я должен быть первым. Я и так первый, так что теперь уступить тем более нельзя. Я вырву эту победу!

И я победил. Когда меня уже почти настигли, когда сил уже не осталось, когда я упал, огляделся, с ужасом видя, что оказался в тупике и бежать уже некуда, тогда я понял, что победил. Странная, однако, эта штука – победа.

– Кто? – услышал я отдаленный, будто отгороженный от меня стеной тумана, хриплый от дикой гонки голос. – Кто?

– Не знаю, – ответил другой. – Я первый раз видел этого парня. Повезло ему.

– Это еще вопрос, кому повезло, – мрачно усомнился первый. – Он переиграл нас, но что останется в нем от него самого? Он будет меняться теперь, пока полностью не изменит своей сущности. А потом он даже не сможет вспомнить, кем был. Победитель ничего не получает, а только теряет. Так чего в этом хорошего?

– Я склонен не согласиться хотя бы потому, что он будет жить, а мы умрем. И потом, чего же ты рвался к этой победе, если победитель ничего не получает? – удивился второй.

– Инстинкт, – тоном знатока сообщил первый. – У нас это в крови, мы с этим рождаемся. К тому же в нас это всю жизнь вдалбливают, готовят к игре. Он победил, я проиграл. По идее, мне должно быть плохо, но я не жалею, я прозрел. Я получил то, чего нет у него – знание. Я понял, как устроен этот мир.

– Допустим, – усмехнулся второй. – И что? С этим знанием и подохнешь...

Они говорили еще долго, а я лежал, пытался отдышаться и слушал. И не верил тому, что слышал, но они оказались правы. Я действительно стал другим, совсем другим, я перестал быть собой, став частью чего-то большего. Я не знал, плохо это или хорошо, я знал, что так должно быть, так было всегда, так стало теперь. Я победил в игре, я потерял себя, и я получил все, хоть и не знал, что значит это «все».

А через девять месяцев я родился.

Пирог с яблоками

«Искушение для искушенных»

Из одного замечательного рекламного ролика

Душу дьяволу я решил продать давно, еще в начальной школе. Правда, нам тогда говорили, что дьявола никакого нет и бога нет, и жизни после смерти нет. А есть только люди и многотомные труды Ульянова-Ленина, который очень любил детей и жизнь свою прожил только для того, чтобы таким, как я, было потом хорошо. Вот только никто не говорил, когда это «потом» и как это «хорошо». А когда я об этом спросил учительницу, она зачем-то вызвала родителей и написала замечание в дневнике.

Вот тогда-то я и решил первый раз продать душу дьяволу. Я сидел в школьном коридоре и ждал, когда мой вызванный в школу папа закончит беседу с учительницей, а рядом сидел какой-то мальчишка и вертел пропеллер маленького игрушечного вертолетика. Вертолетик был как настоящий, даже пилот в кабине сидел. Я попросил у мальчишки вертолетик, только посмотреть попросил, а он показал мне язык, но игрушки не дал. Было обидно.

А потом вышел папа, он был сердит. Он сказал: «Пошли». И мы пошли. Всю дорогу папа молчал, а я думал, что дома мне попадет, хоть и непонятно, за что. А еще думал, что хорошо бы продать душу дьяволу, вот только главное – не продешевить. Пожалуй, я бы выторговал у него вертолетик, как у того мальчишки, только лучше. И чтобы у пилота парашют был. И еще я бы хотел, чтобы дома меня не ругали.

Душу продавать я не боялся, так же, как не боялся и дьявола. А чего трястись от страха, если ни того, ни другого нету?

После я еще неоднократно желал продать душу. Желал перед вступительными экзаменами в институт, когда, пытаясь докричаться до бога (в которого злостно не верил), наткнулся на тотальный игнор со стороны последнего. Желал в институте, когда за паршивый несданный зачет лишили стипендии. Жаждал, когда томился ночами, прислушиваясь к сладкому щему в сердце. Щемило, конечно, не без причины. Причину, кажется, звали Люськой, и ей было глубоко плевать на меня и на мои сердечные муки. И каждый раз я просил бога помочь мне, а когда наткнулся на невнимание с его стороны к моим воззваниям, злился и звал дьявола. Но эта несуществующая зараза тоже не являлась.

Последний раз я пришел к выводу, что душу все-таки стоит толкнуть, с полгода назад. Только на сей раз я решил заняться этим вопросом всерьез. Подтолкнула меня к такому решению вечно недовольная жена, которой моя зарплата кажется непомерно маленькой, и сын, который считает, что я должен давать ему деньги на кафешку и киношку каждый день, а не три раза в неделю, и теща, которой я вообще не нравлюсь, как факт.

Перво-наперво я обратился к книгам. Перелопатил всю свою библиотеку и библиотеки друзей, а также районную и еще несколько позначимее. Ищите да обрящите! Мои копания не прошли даром, и я узнал целую кучу способов вызвать дьявола. Потом сдуру сунулся к сатанистам, но от этих придурков толку оказалось мало, и я быстренько порвал с ними все отношения. Вот только они до сих пор не могут с этим смириться: звонят, сыплют угрозами и достают мой автоответчик. Что с них взять? Секстанты-придурки!

Ну, да не о них речь. Как уже было сказано, я, полный решимости и горя желанием довести начатое до конца, основательно подготовился и приступил наконец к обряду. Это произошло две недели назад. Я взял на работе отгул, сказал домашним, что пошел на работу, и притаился на лесенке. Дождавшись, когда обожаемая жена уйдет на работу, а сын-разгильдяй отправится в школу за двойками и замечаниями, я вылез из своего укрытия и вернулся домой.

Теперь все надо было делать быстро. Я запер дверь, разделся, влез в тапочки и прошел в комнату. В душе нарастало волнение. Я остановился в дверях и прислушался к своим ощущениям. Меня прошиб холодный пот, кроме того, щемило сердце. Я поморщился, сунул под язык таблетку валидола и двинулся к центру комнаты, где стоял обеденный стол. Стол я отодвинул к окну, задернул шторы, закрыл дверь, в комнате воцарился полумрак.

Было холодно, а может, страшно. Меня всего колотила дрожь. Что такое? Чего я боюсь? Да ничего я не боюсь! Вот сейчас сосредоточусь и вызову дьявола, а он мне... Я зажмурил глаза и увидел солнце, море, счастливые лица своих близких и много-много денег. Не наших, а таких зелененьких, с портретами американских президентов. От этого зрелища стало легко, на душе потеплело и даже руки перестали трястись.

Я опустил на колени, уверенно взялся за край ковра и отдернул его в сторону. Под ковром, прямо на паркете, была начертана пентаграмма – моя работа. Я улыбнулся и приступил к выполнению обряда. Не буду утруждать вас подробностями, если захотите, прочтете о них в другой книге. В конце концов, я полгода за этой информацией по библиотекам лазал и не собираюсь ее запросто так выдавать каждому встречному-поперечному.

Но вернусь в комнату. Опыт удался на славу. Сначала завоняло тухлыми яйцами, или, как сказал бы какой-нибудь химик-биолог, появился запах сероводорода, потом возник и сам дьявол. Не явился в языках пламени и клубах дыма, а именно возник из ничего в центре пентаграммы.

Этакий франт в модном костюме, с приятными чертами лица и бородкой клинышком. Какое-то время он пристально смотрел на меня, потом на лице его отразилась невообразимая ирония и лукавство. Мягкими изящными движениями он переместился из центра пентаграммы в мое любимое кресло, потом улыбнулся и спросил:

- Душу решили продать, милейший?
- Добрый день, – невольно поздоровался я.
- Добрый? – удивился дьявол. – День как день, похож на все остальные. Так чего вы от меня хотите? Или, пардон, я ошибся адресом, и меня звали вовсе не вы?
- Нет. – Я вдруг испугался, что он уйдет, и почти закричал: – Я! Это я вас звал!
- Значит, все-таки хотите душу продать, – довольно усмехнулся дьявол. – И как вы оцениваете свой товар?
- А что вы можете предложить? – в свою очередь задал я вопрос.
- Ну, кое-что могу. Только учтите, что возможности мои не безграничны. А то бывают такие субъекты, зовут, предлагают душонку средней паршивости и просят за это... Н-да. Так чего вы хотите? Славы? Признания? Долголетия? Богатства?
- Всего понемногу, – скромно ответил я.
- Хм, а у вас губа не дура, – усмехнулся гость.
- Так и я не дурак, – отозвался я. – Это возможно?
- Говорите, чего желаете, я запишу. Если вы захотите чего-то, чего я не смогу или не захочу вам дать, то скажу вам об этом.

Дьявол выхватил из воздуха пожелтевший лист пергамента, гусяное перо с обгрызленным кончиком и приготовился писать.

- Для начала я хочу пожить подольше. Это можно повернуть? – начал я.
- «Подольше» – это сколько? – уточнил дьявол.
- Ну, лет до ста, пожалуй, хватит, – прикинул я.
- До ста возможно, – осклабил дьявол. – А то иной раз желают жить вечно. Или, как один хитрец, он попросил посмотреть на конец света. А у нас такое мероприятие даже не запланировано.
- Так у вас там и канцелярия своя? – удивился я.
- Бюрократы, – изящно отмахнулся дьявол. – Мы отвлеклись, чего еще желаете?

– Еще желаю, чтобы мои родственники меня пережили, – подумав, добавил я. – А то зачем мне долголетие, если все близкие покинут этот суетный мир? Впрочем, не буду зарываться и просить слишком многого, можете в порядке исключения умертвить тещу.

– Хорошо, – усмехнулся дьявол. – Все?

– Нет, я только начал. Еще я хочу...

* * *

– Ну, теперь-то все? – Прошло минут сорок, и дьявол уже начинал злиться.

– Почти. Еще я хочу денег. Немного, скажем, пятьсот миллионов американских долларов.

– Наличными? – сварливо поинтересовался гость.

– Нет, сойдет и счет в швейцарском банке.

– Хорошо. – Дьявол начертал что-то своим гусиным пером в самом низу исписанного листа. – Теперь все?

– Теперь все, – поразмыслив, согласился я.

Дьявол пробежал взглядом по списку, глаза его округлились:

– И все это вы хотите за одну душу?

– Если вам мало, могу предложить душу соседа сверху. Этот гад меня все время водой заливает, так что не жалко. Хотите? Забирайте в качестве нагрузки.

В глазах адского гостя вспыхнули огоньки, но тут же потухли:

– Нет, спасибо, – поморщился дьявол. – Я не могу забрать чью-то душу без согласия на то ее хозяина. Более того, согласие это должно быть зафиксировано в письменном виде, в противном случае является недействительным. Вот, кстати, договор, – он протянул мне лист. – Посмотрите, все ли верно, и подпишитесь.

– Где?

– Вон там, внизу, где печатка стоит.

– Угу. И чем писать? Кровью?

– Зачем? – скривился дьявол. – Есть же чернила. И вообще, я не выношу вида крови.

От последней реплики мне стало смешно, и, чтобы не расхохотаться, я предложил гостю переместиться на кухню и обмыть наш контракт. Дьявол согласился и первым выскочил из комнаты. Когда же я переступил порог, демон уже по-хозяйски шарил в моем холодильнике. На стол была выставлена закуска, а сам дьявол принимался к содержимому бутылок.

– Святая вода есть? – с надеждой в голосе спросил он, выглядывая из-за дверцы холодильника.

– Нет, – опешил я. – Водка есть.

– Мне ваша водка, как вам молоко! В лучшем случае, как пиво безалкогольное. – Демон с тоской захлопнул дверцу. – По-настоящему я хмелею от святой воды.

Я пожал плечами, плеснул ему воды из-под крана и перекрестил стакан.

– Ничего не выйдет, – пробурчал демон, глядя на мои потуги. – Ты не священник и не святой.

– Ну так взяли бы и сотворили сами, – рассердился я.

– Смеетесь? – возмутился демон, вид у него стал совсем обиженным. – Я не могу сотворить ничего святого. Мне не то, что по должности, по сути своей не положено. Ладно, плевать. Ставьте чайник.

Я налил в чайник воды, поставил его на плиту и принялся искать спички, но конфорка уже горела. Я посмотрел на демона, тот хитро сощурился, подмигнул. Я сел за стол, гость взял с полки подсвечник и принялся внимательно изучать его. Ожидая, пока закипит чайник, я потянулся за пергаментом.

Сверху сияла, будто под листом держали зажженную свечку, надпись: «Контракт на приобретение души. Заключается между... и... Условия контракта». В самом низу посверкивала другая надпись: «Бланк договора типовой, тираж 1 000 000 000 экземпляров». В правом нижнем углу горела печать – маленькая изящная пентаграмма, все остальное было заполнено от руки самыми обычными чернилами. Почерк у моего гостя был великолепным. Таких правильных, изящных штрихов и линий я отродясь не видал. Все мои требования были изложены коротко и ясно, не прикопаешься. И размашистый вензель хозяина преисподней уже красовался под списком того, что получаю я, и одной строчкой, гласящей, что душа моя переходит в руки дьявола сразу же после моей смерти.

Закипел чайник, я положил договор на стол. Дьявол придавил пергамент подсвечником:

– Ну, подписывайте, чего ждете? – спросил он.

– Сначала чай, – спокойно ответил я, разливая заварку по чашкам.

К валявшимся на столе колбасе, хлебу и маслу добавились варенье, пастила и остатки «шарлотки», которую вчера испекла жена. Я поставил на стол исходящие паром чашки и приглашающе кивнул гостю, который в моем приглашении не нуждался, потому как уже жевал колбасу, откусывая прямо от батона.

Довольно быстро расправившись с колбасой, дьявол притянул к себе чашку, сделал небольшой глоток и потянулся к шарлотке. На полпути к пирогу рука его замерла и вздрогнула.

– Можно мне кусочек? – спросил он.

Я кивнул, и гость осторожно взял кусок пирога. Такое изменение в поведении дьявола насторожило и заинтересовало меня. С чего это вдруг он стал спрашивать разрешения? С того момента, как появился в моей квартире, он делал и брал что хотел, никого не спрашивая. А тут вдруг вспомнил про манеры. Да когда? Когда дело дошло до обычного яблочного пирога!

– Бесподобно, – промурчал демон. В отличие от батона колбасы, кусок пирога он не жрал, а смаковал. – Можно еще кусочек?

– А чего вы спрашиваете? – поинтересовался я.

– А как иначе? – удивился дьявол.

– Так же, как мое любимое кресло, мой холодильник, мою колбасу, мой подсвечник, – пожал плечами я.

– Так же не могу, – совсем расстроился гость.

– А что мешает? – не понял я.

– Я не могу создать подобное, – в голосе демона сквозила досада. – Я не понимаю сути, рецептуры, не познал секрета приготовления. Я могу создать любой рулет, любой торт, любое лакомство, произведенное на каком-нибудь хлебозаводе, но это другое.

– А в чем разница?

– Там штамповка, а здесь душа, индивидуальность. Этого я еще не постиг. А пока не постиг, не могу создать. А наносить ущерб, который не в состоянии возместить, я не могу. Так можно еще кусочек?

– А если нельзя? – Я вдруг почувствовал какую-то силу, которая позволила мне дерзить самому хозяину преисподней.

– Ну пожалуйста, – заканючил демон.

– Хорошо, – согласился я. – Но не просто так.

– Все, что хочешь, – нетерпеливо возопил дьявол. – Я дам тебе все, что хочешь! Хочешь долголетие?

– На хрена оно мне? – удивился я. – Я и так его имею, согласно контракту.

– Контракт еще не подписан, – напомнил демон.

– А что это меняет? Вы даете мне долголетие, потом я подписываю контракт, и один из его пунктов мне становится не нужен. Не-е, так не пойдет.

– Хочешь долголетия для своих близких? Я даже тещу твою не трону. Хочешь денег? Славы? Женщин? Все земные блага?

– Зачем? – искренне удивился я. – Я все это поимею согласно контракту.

– А хочешь...

* * *

– Ну что мне еще предложить тебе, смертный? – проплакал вконец измотанный дьявол. Мы торговались с ним полтора часа. И оказалось, что моему гостю нечего мне предложить. Самоуверенность слетела с демона, как последний лист с дерева поздней осенью. От лоска и шика не осталось и следа. Волосы встопорщились, галстук съехал на сторону, пиджак шикарного костюма оказался расстегнутым и растрепанным. А во взгляде появилось то выражение, что совершенно не свойственно искусителям.

– Есть вариант, – смилостивился я.

– Какой? – загорелся демон.

– Моя душа остается при мне, – начал я. – В противном случае сделка просто не имеет смысла. Дальше, раз в неделю я обязуюсь жертвовать вам целый такой пирог.

– Щедро, – обрадовался дьявол. – А я?

– А вы раз в неделю выполняете мое желание. Сначала по списку, что означен в нашем так и не подписанном договоре, потом... Ну, потом видно будет.

В кухне стало жарко, так жарко, что затрещали обои на стенах. В глазах моего дорогого собеседника бешеными сполохами забилось адское пламя. Мне показалось, что еще чуть, и мир взорвется. Но взрыва не произошло.

– Ш-ш-ш-што-о-о?! – в бессильной ярости прошипел дьявол.

– Я дарю вам пирог, а вы взамен выполняете мое желание. И так каждую неделю. И так до тех пор, пока...

– Да как ты смеешь?! – взревел дьявол.

– Вас что-то не устраивает? Тогда возвращаемся к продаже души, а пироги отложим в сторону.

Демон подскочил со стула, дернулся к двери, потом назад, потом начал судорожно таять в воздухе, но передумал и вновь материализовался на стуле. Видимо, соблазн пересилил.

– Я, – дьявол задохнулся от потока чувств, которые захлестнули его грешную душу. – Я согласен, – выдавил он наконец.

– Хорошо, – кивнул я. – Тогда закрепим наш договор на бумаге.

Он все подписал. Смирил свой гнев и подписал договор. С тех пор прошло уже два месяца. Я живу вместе со своей семьей на одном милом островке посреди Тихого океана. Раз в неделю я заставляю жену печь пирог с яблоками, и раз в неделю исполняется очередное мое желание. Список пока не закрыт, а к тому времени, как указанные в нем желания будут исполнены, придумаю еще что-то. Это не так трудно.

Дьявол скрипит зубами, но договор соблюдает. Видать, соблазн и впрямь непомерно велик. Оно и понятно, что-то, а готовить моя жена умеет. Кстати, надо будет пожелать, чтоб она еще кое-чему научилась. Но это уже из другой области, нежели ее кулинарные способности.

* * *

– Ваше превосходительство, – окликнул мерзкий козлиный голос.

Дьявол вздрогнул и оторвался от книг. Рядом стоял рогатый хвостатый копытистый, каких полно в подземном пекле.

– Чего тебе? – резко спросил дьявол.

– Ваше превосходительство, ваш очередной замысел прогорел.
– Как?! – возопил дьявол.
– Как и в прошлый раз. – Черт попятился. – Одни уголечки остались.
Дьявол взревел, от него пахнуло жаром, таков был его гнев. Черт отшатнулся, боязливо попятился и принялся подобострастно кланяться.
– Начните заново, – прорычал дьявол, чуть остывая. – Попробуйте уменьшить огонь.

Черт еще раз поклонился и, вспыхнув ярко-оранжевым пламенем, исчез. Дьявол посмотрел вдаль невидящими глазами и снова склонился над кулинарными книгами. Когда-нибудь он научится, он поймет, как готовить этот пирог. И тогда... Тогда он отомстит этому смертному, который посмел так обойтись с ним. Если только этот смертный к тому времени не достигнет большего могущества, чем он.

Дьявол принюхался, издалека тянуло паленым. Так пахли не горящие в аду мученики, так пах сгоревший яблочный пирог.

Кошмар на улице Долговязов

Рассказ написан в соавторстве с Сергеем Дорофеевым и Надеждой Агеевой

Не все события вымышлены, не все совпадения случайны.

Была пятница и, кажется, тринадцатое число. Впрочем, насчет числа Изя сомневался, поскольку вчера было одиннадцатое, а завтра семнадцатое. Но то, что пятница, – это точно, хотя, возможно, и среда. Мелкий противный дождичек, начавшийся еще с полчаса назад, вводил Изю в состояние уныния. В таком состоянии нужно было куда-то пойти и с кем-то выпить. Или с кем-то пойти и куда-то выпить. Он открыл первую попавшуюся страницу в первой попавшейся записной книжке, где громкими буквами по веселому белому полю шла звонкая, но записанная на букву «С» фамилия Либерштейн. Он долго вспоминал, кто бы это мог быть, но, так и не вспомнив, решил, что, пожалуй, Либерштейн ему подойдет. Изя решил позвонить данному субъекту, но, подойдя к телефону-автомату, обнаружил, что в книжке вместо телефона записан адрес: улица Долговязов, дом 13, квартира 666. Куда он и направился небодрым строевым шагом.

Звонок не работал, сколько он ни нажимал кнопку. Но дверь открыли сразу, по первому стуку. На пороге стоял молодой человек. Изя сразу вспомнил, где его видел – как ни странно, в этой же квартире.

– Здравствуй, Изя, дорогой! – произнес с грузинским акцентом Либерштейн, носящий громкое имя Фриц. – Вах, с чем пожаловал?

– С Изей, – ответил Вах.

– Молодец! Поставь его в холодильник.

Но в холодильнике стоять Изя не хотел, а потому, не обращая внимания на протесты непонятного Ваха, прошел в комнату.

В комнате было холодно и сыро, как в старом промозглом склепе. Изя сразу вспомнил свою бабушку – как она там, родная. Мысленно представил себе обглоданную черепашку и покосившийся гроб, смахнул скупую мужскую слезу. Обглоданный червями скелет подмигнул ему пустой глазницей: «Здравствуй внучек. Приходи, я по тебе соскучилась». Изю передернуло, он попытался отмахнуть столь чувственное видение. Но видение не отмахнулось. Тогда отмахнулся Изя. Видение, потирая ушибленное место, ретировалось.

– Вот ты, значит, как с бабушками! – голос был незнакомый и женский.

Изя повернулся. В углу у массивного дубового стола с резными ножками сидела невзрачного вида женщина. Которая при втором взгляде оказывалась весьма взрачной. Блеснула молния, захлопали окна, затрепетали занавески, из-под стола метнулась черная кошка, полетели вороны, зашумели летучие мыши, забегали пауки, крысы, тараканы, запахло серой и луком, глаза женщины полыхнули дьявольским огнем. «Показалось», – подумал Изя. «Хрен тебе», – подумала женщина. В ответ Изя судорожно сглотнул.

– Ты кто? – спросил он, пытаясь совладать с непослушным голосом.

– Это моя жена, – вмешался взявшийся невесть откуда Фриц, – Глаша.

– Ты женат? – все еще пытаясь сглотнуть, спросил Изя.

– Да. Познакомились на очередном собрании секты евреев-антисемитов. Знакомься, Глаша, это Изя Иванов.

– Еврей? – подала голос Либерштейниха.

– Великоросс, – обиделся за друга Фриц.

– А почему фамилия такая нерусская? – не унималась женщина.

– Дурное наследство, – вывернулся Изя и попытался перевести разговор в иное русло. – И давно вы женаты?

– С тех пор как стали аскетами. Не пьем, не курим, не материмся.

– А спите... – полюбопытствовал Иванов, – на одной кровати?

– Конечно, – искренне возмутился Либерштейн, – на одной, двухъярусной. Она наверху, а я в соседней комнате.

Изя затосковал, поняв, что явно ошибся адресом. Повисла неловкая пауза. Настолько неловкая, что не смогла удержаться и шмякнулась об пол.

– Ну ладно, располагайся, я за водкой, в магазин, – нарушил молчание Фриц.

– Так вы ж не пьете, – радостно удивился гость.

– Мы и не пьем. Аскеза – понимать надо. Мы похмеляемся. Ну, я пошел, – хлопнул древней окосевшей дверью хозяин... и пошел...

Изя поежился, потом еще раз, и еще. Оставаться наедине с Этой: Глашей, Либерштейн, евреем, антисемитом, аскетом, женщиной – он хотел, а потому продолжил ежиться. Застывшая в сыром воздухе тишина не давала покоя. «О чем с ней говорить?» – металось в голове у Изи, и не только в голове. Впрочем, там металось нечто иное.

– Пить будешь? – спросила хозяйка.

– Буду.

– Предсказатель, блин. Садись, – похлопала она по дивану, который принялся весьма эротично вибрировать и постанывать.

Изя недоверчиво покосился на возбужденный диван, но приглашение принял. Диван крикнул: «Ай» – и успокоился. Изя тоже крикнул: «Ай», но успокаиваться не стал.

– Двулик, Двулик, Двулик, – позвала кого-то хозяйка.

В комнату, путаясь в лапах, прибежала собака – по крайней мере, так вначале показалось. Как ни странно, но собакой она оказалась лишь отчасти, а точнее, от двух частей. С обеих сторон тело заканчивалось весьма выразительной задницей. Либерштейника кинула под стол одну из обильно на нем же валявшихся костей. За ней же устремилась и животинка. Снизу раздались довольные похлипывания. За процессом поглощения Изя решил не наблюдать, а потому перенес свое внимание на спрятанную под распахнутым халатом женскую фигуру:

– Красивое белье.

Хозяйка с подозрением оглядела свое тело:

– У меня ж его нет.

– Вот это и красиво, – подтвердил Изя и перешел к действиям.

Но ему помешали – две холодные, растущие из дивана, волосатые лапы схватили за ноги и с криками: «Моё, моё» принялись запихивать его под диван.

– Наше, – возразила хозяйка. – Ты отпустил бы его, аскеза все-таки.

– Бяка, – обиделись лапы и с ворчанием исчезли под диваном.

В мозгу Изи начали зарождаться смутные сомнения: «Что-то здесь не так. Опять показалось? Слишком часто кажется в последнее время. Вроде еще не пил. Или пил? Нет, я бы заметил. Или не кажется?» И сомнения продолжали зарождаться и сгущаться.

Страшный, скрежещущий, будто гвоздем по стеклу, звук вывел Изю из состояния глупой задумчивости. После столь триумфального рождения сомнения быстренько развились и... умерли.

– Сиди, это меня, – пояснила хозяйка и упорхнула в соседнюю комнату, к телефону, как оказалось.

– А-а-а-э-э-э... – возразил Изя и принялся коротать время осмотром помещения.

Помещение было вполне обычным для ненормального. Веселенькие занавески похоронного цвета, пара электрических стульчиков, уютная домашняя виселица, скелет в семейных трусах и бабочке, томик Пушкина в одном углу и головастик-переросток в другом. Противо-

положную стену занимала дубовая полка, заросшая мхом и грибами. Большинство книг были заботливо расставлены по сериям: Жизнь Замечательных Людей в автобиографиях: Ф. Крюгер, гр-ф Дракула, Помидоры-убийцы, броневик Ленина; Библиотека фантастики: А. Т. Фоменко, Программа партии, Учебник истории СССР с древнейших времен до 1867 г., «Как заработать миллион». А также иные непонятные книги с отдельными заголовками: «Гадание на спичках», «Вязание на картах», «Маячение на глазах», «Игра на нервах» и «Что-то на чем-то». Левее полок стену украшали плакаты с изображением популярных футболистов. Тот факт, что люди на фотографиях были всего лишь изображениями, отнюдь не мешал им проводить матчи, перегоняя мяч с одного плаката на другой. После очередного гола в ворота «Спартака» Изя плюнул на глупую игру (что, впрочем, не помешало футболистам сделать то же самое) и, утеревшись плевками знаменитостей, перешел к созерцанию главной достопримечательности любого дома – стола.

На столе был развал. Книги, полная бычков в томате пепельница, объедки, пустые бутылки, колода карт. Все это было тщательно приготовлено и щедро усыпано каким-то порошком.

Изя повернулся – в дверях стояли оба Либерштейна и двухзая собака. Повернулся еще раз – Либерштейны исчезли. «Без них скучно», – решил Изя и повернулся в третий раз.

– Ты чего такой замороченный? – заботливо поинтересовался Фриц.

– Мне кажется, что я схожу с ума, – мрачно разъяснил Изя. – Мне кажется...

– Это не тебе кажется, это нам кажется, – перебил его хозяин и, видя, что гость ничего не понял, добавил: – Это наши глюки. Мы вторую неделю похмеляемся, вот и глючит. Кстати, за это мы еще не похмелялись. Выпьем?

– Угу, – согласился Изя.

Компания расселась вокруг стола, на столешнице устроились толпы бутылок, одна из которых оказалась тут же откупоренной... и там же закупоренной. Изя выпил и почувствовал, что ему становится спокойно, даже несмотря на выпорхнувшие из стакана глаза. То есть выпорхнули-то они не сразу, сперва тарачились на Изю со дна стакана, потом активно подмигивали, а уж потом вылезли наружу и уставились на почти пришедшего в себя гостя.

Иванов явно пришелся им по вкусу. Они очаровательно моргали, ощупывали его взглядом, потому как больше нечем было, чуть не в штаны заглядывали. «Все в этой квартире озабоченные», – вяло подумал Изя. «Да», – бодро ответили все. Глаза еще чуть поморгали и после тоста хозяина: «Ну, еще по одной» – куда-то исчезли. Видимо, на дно очередного стакана.

Пьянка пошла в своем нормальном ритме, то есть «между первой и тридцать второй промежутка нет вообще». Изя помаленьку приходил в себя.

После седьмого (а может, и восьмого, Изя уже не считал) тоста в комнату вломился голый мужик:

– У вас будильника нет?

Глаша походя ткнула огромным странным каким-то пальцем в огромные старинные напольные часы. Мужик с сомнением посмотрел на часы, тоскливо спросил:

– А поменьше?

– Поменьше нет, – с сожалением произнес Фриц, который от выпитого стал плаксивым и сентиментальным.

– Ребята, а вы меня завтра в семь утра не разбудите, а то на работу опоздаю. – Мужик смотрел умоляюще.

– В семь чего? – ехидно поинтересовалась Глаша и снова указала на часы.

Изя проследил за направлением ее руки и только теперь обратил внимание на то, что часы идут в обратную сторону. Секундная стрелка с упорством, достойным стада ослов, перла от пятого деления к четвертому, от четвертого к третьему, от третьего ко второму, дальше к

первому, потом на секунду застыла в поисках нуля, и снова продолжила свой ненормальный путь.

Когда Изя вернулся к столу, из-за которого и не выходил, мужика в комнате уже не было.

«Бред какой-то, – подумалось Изе. – И вообще, если это все пьяные глюки, то почему они появились прежде, чем я напился». Изе стало страшно. Он побледнел, позеленел, пошел красными пятнами, затем пробежался по всему спектру и остановился на бирюзовом – своем любимом. Еще страшнее и бирюзовей ему стало через несколько секунд, когда по всему дому пронесся дикий рев. Гость задрожал и обернулся к двери. В проеме застыл огромный силуэт. Тело чудовища покрывала блестящая чешуя, с огромных, в полруки длиной, клыков и в полклыка рук стекала ядовитая слюна. Мелкие глазки пылали злобой, крупные – отсвечивали ненавистью. Изя почувствовал, как волосы зашевелились на макушке, волосы почувствовали, как зашевелился Изя. «Еще чуть, и штаны намокнут», – испуганно пробежало между шевелящимися. Чудище приблизилось, приняло картинную позу и проревело:

– Тrepещи! (Мог бы и не предупреждать, Изя и так дрожал как осиновый лист.) Тrepещи, ибо смерть твоя пришла к тебе в моем лице. Я Бред Сивкобыл...

Конец блистательной речи потонул в истерическом хохоте. Изя смеялся от души, мстя за пережитый ужас.

– Ты чего? – не понял Сивкобыл. – А ну-ка полчаса бояться!

– Тебя? – сквозь смех прохрипел Изя. – С таким-то имечком?

– Ну вот, опять. – Чудище растеряло всю свою грозность, а заодно и некоторые части тела, но, видимо, решило не собирать их и отрастило новые. – Я такой страшный, а меня не боятся. И главное – из-за чего? Из-за имени. Каждое самое завалившее зло имеет звучное имя: Сатана, Люцифер, Дракула. Даже Фредди Крюгер и тот звучит, а я... Все, уйду из чудовищ в клоуны.

– Да ладно тебе, – пожалел Изя. – Не расстраивайся. Давай выпьем.

– Наливай, – то ли с горя, то ли с потолка заревело чудище. – Хоть напьюсь, может, полегчает.

Опрокинув пару стаканов, чудище стало еще страшнее, да еще и раздухарилось:

– Сейчас как пойду, – похвалялось оно перед Изей. – Как напугаю!

– Кого?

– Их, – чудище ткнуло лапой в сторону Либерштейна с супругой.

– С таким-то имечком? – усмехнулся Изя.

– Что в имени тебе моем? – пафосно возмутилось чудище.

– Ничего, но только сам же сказал, что имя должно быть звучным и устрашающим.

– И что мне делать? – расстроилось чудище.

– Не называй имени, – пожал плечами Изя. – Или псевдоним возьми.

– Псевдоним? – заинтересовалось чудище. – Какой псевдоним?

– Звучный. Пердимонкль, например. Или... Ну я не знаю: Кровавый Джек, Черный Ужас, Вася Страхов...

– Это идея, – пьяно заухмылялось чудище. – На ком попробуем?

Бывший Сивкобыл плотоядно оглядел комнату.

– Тренируйся вон, на кошке, – отмахнулся Изя. – Или на собаке, на худой конец.

Сивкобыл повернулся к двузадому псу, пустил слюни и проревел на худой конец:

– Тrepещи, ничтожная тварь! Ибо я – смерть твоя, Кровавый Пердимонкль Вася Страхов пришел за тобой.

Эффект оказался сильнее всяческих ожиданий. Бедная собака поджала оба хвоста и бросилась бежать. Правда, в разные стороны. Окрыленное (в прямом смысле) таким успехом чудище повернулось к кошке и повторило тираду. Черная кошка медленно поднялась, вместе с ней поднялась и шерсть на ее загривке, а также иные части тела и органы, причем на разную

высоту. Бедное животное от ужаса вспрыгнуло на стол, опрокинув бутылку водки, и выскочило в окно.

Содержимое опрокинутой бутылки медленно растеклось по столу, заливая лежащие рядом книги и карты.

Изя хотел промакнуть лужу, но не успел. Водка молниеносно впиталась в колоду. Иванов подобрал карты и с изумлением и Либерштейнами обнаружил, что лежавшая нижней дама червей выглядит совершенно пьяной. Следовавший за ней пиковый валет смотрелся не лучше. Изя решил разложить пасьянс, и вскоре одна за одной прямоугольные картинки шлепались друг на друга со сладострастными ахами и вздохами.

– Надо же, – заметил Изя. – Все как у людей. Я бы тоже на эту червовую даму без стакана и не посмотрел...

Когда громкость карточных воздыханий превысила все разумные, неразумные и псевдо-разумные пределы, Изя брезгливо бросил колоду и вытер пальчики белоснежным кружевным платочком:

– Тьфу! Точно все озабоченные!

– А хошь, мы тебе погадаем? – спросила развеселая бубновая дама, сползая с трефового валета.

– Это идея, – подхватил кто-то, прежде чем Изя успел что-то сообразить.

Карты сами собой перетасовались и разлеглись на кучки. Верхним вывалился трефовый туз. Даже при своем полном незнании карт, Изя знал, что туз трэф означает казенный дом. Карты наперебой принялись что-то объяснять, молчание сохранял только туз трэф.

– По-моему, ему расклад не понравился, – озадаченно произнесла дама трэф.

– Давай попробуем еще раз, – предложила червонная дама.

– Давай, – согласился пиковый король.

Дама дала, и карты переразложились, отпуская шутки и ехидные, а порой и наглые подколки. Последним лег трефовый туз.

– Ты опять? – возмутился Изя.

– Тебя посадют, а ты не воруй, – поведал туз.

– Это трефовый что ли? – спросил туз бубей. – погоди, Изя, друг, сейчас мы его закопаем.

Карты собрались в кучу, замельтешили на месте, словно играли в кучу-малу, потом снова разлеглись на столе. На самый верх вылез потрепанный трефовый туз:

– Песню дружбы запеваешь молодежь, – пропел он не то для Изи, не то для остальной колоды. – Эту песню не задушишь, не убьешь!

– А это мы сейчас проверим, – взревел Изя, схватил туза и разодрал на четыре части.

– Ты что?! – заорали части истончившимися голосами. – Я ж пошутил, дурак! А ты... новую рубашку порвал! Я маме пожалуюсь!!!

Слезно причитая, обрывки туза сбежали в неизвестном направлении. Изя посмотрел на карты. Карты посмотрели на Изю, но без своего трефового собрата новый расклад исполнять отказались. А дама червей даже всхлипнула и поведала, что ей бедняжку Тузика жаль, а Изя скотина, и вообще все мужики скоты и сволочи, а кто не сволочь, тот урод. Изя с горя опрокинул стакан и огляделся. Не увидев ничего интересного, опрокинул еще один и огляделся вновь. После чего решил, что стоит оглянуться еще раза три-четыре. Со стены несся отборный грузчицкий мат. Один из футболистов с воплем «Судью на мыло» засветил последнему в челюсть, другие присоединились, началась драка. Под звонкий смех сатанинской Глаши... То есть, под сатанинский смех звонкой Глаши выло несчастное чудовище:

– А ну-ка, всем полчаса бояться!

– Вот еще, – брезгливо отвечала ему хозяйка. – Буду я всяких Монопердоклей бояться.

– Все! – орало обиженное чудовище. – Ухожу из Пердимонклей в Сивкобылы!

Двулик втихаря, поставив передние задние лапы на стол, тырил что-то еще съедобное, весело болтая одним хвостом и воровато поджимая другой.

Фриц, сидящий в обнимку с десятикилограммовым арбузом, набрал водки в шприц и, напевая «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», вкатил содержимое шприца в полосатый арбузий бок. Довольный арбуз пустил пару пузырей. Довольный Фриц хмыкнул и, пропев «Выпьем и снова нальем», набрал в шприц новую порцию водки.

Часы в углу начали бить девять вечера. Из маленького окошечка с истошным воплем «Ук-ук, ук-ук, ук-ук» выпрыгнула укукшка. Над всем этим хаосом летали пьяные глаза с потрескавшимися от бессонницы жилками и пытались косо посмотреть друг на друга.

Изя с тоской и страхом потянулся за бутылкой.

* * *

«Утро туманное, скатертью дорога», – звучал в голове посторонний голос. Изя повернулся, голос смолк, вернее сказать, растворился в барабанной дробь.

«Однако, как активно меня выставляют», – подумал Иванов и открыл глаза. Никто его не гнал. Он лежал на самой обычной кровати в самой обычной квартире. И барабанная дробь в голове была самым обычным отголоском подступающего похмелья. Изя огляделся и не нашел ничего странного. На стене висели самые обычные плакаты, на столе лежала самая обычная колода карт, которую покрывал самый обычный трефовый туз. Часы тикали, отсчитывая положенные им секунды в заданном направлении. И даже собака, что лежала тут же у кровати, была самой обычной, то есть имела один зад и одну голову. Чертовщина какая. Это дерьмо собачье... Тьфу, точнее сказать, эта собака дерьмовая такая же, как и все прочие. Теперь отчетливо стало видно, что это миттельшнауцер, а вчера можно было только догадываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.